

Александр Эткинд

Douglas Rogers. The Depths of Russia: Oil, Power, and Culture after Socialism. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2015. 394 pp. ISBN 978-0-8014-5373-1.

Александр Эткинд. Адрес для переписки: Department of History and Civilization, European University Institute, Via Boccaccio 121, 50133 Firenze, Italy. alexander.etkind@eui.eu.

Нефть, власть и культура – самые важные и самые проблематичные из факторов постсоциалистической истории России. Даглас Роджерс, антрополог из Йельского университета, рассказывает о нелегких отношениях между этими факторами на материале своих многолетних полевых исследований в Перми. Этот российский регион – не самый популярный среди исследователей. Интерес к нему возникал разве что в связи с необычными культурными экспериментами, которые проводились в Перми в 2000-х годах; Роджерс документирует эти эксперименты с недоступной ранее полнотой. Под пером Роджерса этот регион превращается в собирательный образ современной России, даже более того – всего постсоциалистического мира. Но как это свойственно даже и современным антропологам, Роджерс подчеркивает необычный, экзотический характер своего предмета. Название его книги говорит о неведомой реальности, которую в переводе можно обозначить как «глубинка» (так переводит сам автор), так и «глубины». Для познания столь необычной реальности нужны особые методы, теория, язык.

Погрузиться в пермскую «глубинку», а потом вернуться на йельскую поверхность и там рассказать об увиденном и услышанном общедоступным, теоретически насыщенным языком, может только профессионал, тренированный особым образом. Таким профессионалом мог бы быть, наверное, и журналист, и социолог. Закономерно, что в данном случае им оказался антрополог. Антропология современных обществ далеко отошла от своих колониальных отцов-основателей, которые исследовали местные культуры на экзотических островах в океане как раз накануне того времени, когда эти культуры исчезали навсегда. В XXI веке коллеги Роджерса работают в банках, на заводах, в супермаркетах, в действующей армии. Некоторые особенности полевой работы они все же унаследовали от своих предшественников начала XX века: необходимое знание местного языка; понимание ценности длительного или хотя бы многократного пребывания на месте; критическое отношение к местным, центральным и глобальным властям и еще, кажется, что-то вроде старомодного гуманизма, сочувствия людям и пожелания им добра. К этому надо присоединить и профессиональную веру в местную культуру, неписьменное знание, фольклор и непосредственную передачу традиции. Только то, что эти явления продолжают играть свои роли и в современном обществе, в конечном счете и оправдывает применение антропологических методов. Роджерс с неодобрением цитирует пермского писателя и краеведа Алексея Иванова, который утверждает, что пермяки вполне забыли свое прошлое, а те, кто помнит его, – это «книжные люди».

которые узнали о своей истории и идентичности из прочитанного (с. 28). Если это так, то стоит забыть о поле и читать письменные источники, как это делают историки; поэтому Роджерс не согласен с Ивановым. Тем не менее он переносит центр своих интересов с фольклорного народа на культурную и технократическую элиту; но у элиты, верит он, свой фольклор, свои традиции и не книжные, не письменные источники идентичности.

И все же методы Роджерса далеко выходят за пределы полевого исследования. К интервью, личным наблюдениям и анализу культурных символов он добавляет экономическую и корпоративную историю, которая на самом деле играет доминирующую роль в этой книге. Она и написана в хронологическом порядке, год за годом – так пишут историки. Я могу ошибиться, но думаю, что автор этой книги в библиотеке провел никак не меньше исследовательского времени, чем в поле. Соединение двух редко пересекающихся областей исследований – культурной антропологии и экономической истории – возможно, самое оригинальное в подходе Роджерса (ср. Coronil 1997; Hann, Hart 2011). Дополнительными и тоже оригинальными темами книги являются история пермских и российских нефтяников как история профессии и процессы культурной трансформации пермской и российской «глубинки». Следуя скорее традиции культурной истории, чем культурной антропологии, Роджерс показывает, что процессы эти, успешные или нет, идут из центра (Москвы) в периферию и «сверху вниз» – от культурной элиты в народ.

Нефть была найдена в Перми, «втором Баку», в 1929 году. Готовясь к войне, советское правительство сопровождало нефтепромысел на Урале массовой пропагандой и созданием огромных пермских лагерей. Но успех был преувеличен, и астрономические цифры нефтедобычи, предполагавшиеся вторым пятилетним планом, не были достигнуты. Москва ответила террором. В одном только Краснокамске в 1936–1937 годах были арестованы 750 инженеров и нефтяников (с. 43). С точки зрения центра, периферия одинаково включает в себя и недра, и народ; за неудачу недр отвечал народ – такова колониальная логика отношений с «глубинкой» в ее сталинистском варианте. Тем не менее уральская нефть продолжала служить советской власти, сыграв свою роль в войне, послевоенной реконструкции и нефтяном экспорте застойной эпохи.

Пермские скважины, несмотря на отчаянные попытки властей поправить дело и выполнить планы, иссякали; частью этих усилий были, например, семь подземных ядерных взрывов, которыми надеялись перестроить нефтяные пласты и увеличить ее добычу (с. 66). На деле, однако, взрывы привели к радиационному заражению воды и самой нефти, так что некоторые скважины пришлось заблокировать. В постсоветский период месторождения Западной Сибири и Сахалина привлекли гораздо больше инвестиций, чем Урал. Пермь стала центром ЛУКОЙЛа, и это позволяет Роджерсу рассказать много нового о корпорации, гордящейся своей «вертикальной интеграцией» и относительной (в сравнении с другими российскими корпорациями) «прозрачностью».

Роджерс показывает, что критические исследования нефтебизнеса обычно сосредотачивались либо на национальных государствах в их особенной форме петрокраций, либо на транснациональных корпорациях. Для анализа постсоциа-

лизма, считает он, важнее вертикально интегрированные корпорации – субнациональные агенты, монопольно контролирующие огромные территории, население и финансовые потоки. Кембриджский антрополог Каролайн Хамфри назвала их, используя терминологию историков Средневековья, «сюзеренами» (Humphrey 2002). Эти сюзеренные корпорации находятся в трудных отношениях взаимозависимости и с национальным сувереном, и с запертым в «моногородах» населением. История ЛУКОЙЛа в Перми началась с приватизации Пермского нефтеперерабатывающего завода, одного из немногих советских производственных предприятий по переработке нефти (НПЗ), находящихся к востоку от Волги (бензин и сейчас в Сибири стоит дороже, чем в Москве, что является прямым следствием дефицита НПЗ в российской Азии). В начале девяностых огромное предприятие было на грани закрытия вследствие неэффективности. Приватизация и пришедшие с ней западные инвестиции и технологии сделали его сверхрентабельным; в начале 2010-х годов около 40% его продукции шло на экспорт. Но финансовое благополучие пришло не сразу. Роджерс подробно рассказывает о практиках бартера, с помощью которых Пермский НПЗ выживал в переходный период. Например, керосин или масла вывозились в Китай, обменивались там на пиджаки, этими пиджаками платили зарплату рабочим НПЗ, а те (или, может быть, их жены) торговали этими пиджаками на местном рынке и вывозили в соседние города, вероятно, даже в Москву. Работа на НПЗ стала престижной, и респонденты Роджерса вспоминают об этом периоде с удовольствием (с. 72). Потом бартером занялась Пермская товарная биржа, и в обмен на нефть стали привозить краснодарские яблоки, японские автомобили и кубинский сахар. Нефтяники стали заниматься все более сложными, многоходовыми схемами внешней и внутренней торговли – и все это без участия денег. Соответственно, вся эта торговля отсутствовала в госучете, хотя какие-то налоги и пошлины (тоже натурой) временами приходилось платить. Основываясь на своих интервью, собранных двадцатью годами позже, Роджерс подробно и со вкусом рассказывает о масштабе и вариантах этого петробартера. В него включился и сельскохозяйственный сектор, менявший продукты питания на горючее и масла. Потом в бартерные схемы вошел и местный рынок недвижимости. Какие-то контрактные документы в этих сделках подписывались, но далеко не всегда; в любом случае они не имели законной силы, и государство не могло принудить стороны к исполнению этих контрактов. На Пермской бирже в начале 1990-х на один формальный контракт приходилось от 20 до 40 неформальных (80–92). Как раз здесь мы понимаем, почему образцовое описание этих операций сумел дать именно антрополог, а не экономист или историк: недоступный для государственной статистики, развертывавшийся в рамках неписьменной культуры, порождавший неформальные методы разрешения споров, бартер так же относится к бизнесу, как фольклор относится к литературе. Часто заканчивающийся уличной торговлей, которая в конце концов превращает товары в деньги, пригодные к накоплению, бартер – это и есть народная культура постсоциализма.

На время такой бартер заменил все – деньги, рынок и государство. Из него и выросла, как показывает Роджерс, региональная элита, которая потом занялась приватизацией нефтяных полей и созданием ЛУКОЙЛа. Масштабы ее опе-

раций были огромны: в 1995 году 80% пермской нефти обращалось вне денежного учета. Тогда же из недр бартера появилась региональная валюта, топливные векселя. Этими векселями, которые были обеспечены баррелями нефти, можно было платить налоги, сохраняя наличные рубли для выдачи зарплат и прочих надобностей. То была особая привилегия нефтяного сектора. Векселя переходили из рук в руки, некоторые до сорока раз, и эти переходы записывались на самом векселе. С этого момента, считает Роджерс, в нефтяном секторе появилась вторая важная профессия – финансисты. Сотрудничество и конфликты между финансистами, нефтяниками и силовиками породили многие необыкновенные явления следующего десятилетия, по-разному развиваясь в ЛУКОЙЛе, вокруг ЮКОСа и повсюду в нефтяной России.

На материале интервью Роджерс рассказывает нетривиальную и, как он сам признает, разочаровавшую его историю того, как нефтяной бизнес ЛУКОЙЛа, поначалу в сотрудничестве с американскими благотворительными фондами, создал «гражданское общество» в Пермском регионе. В начале 2000-х ЛУКОЙЛ стал платить большую часть своих налогов в федеральный центр. В ответ местные власти призвали корпорацию к «социальной ответственности». Земля, необходимая корпорации для новых скважин и труб, находилась в местной власти, и корпорации приходилось с этим считаться. В этой ситуации ЛУКОЙЛ импровизировал программы субсидирования народных промыслов в регионе. Затем с помощью американского фонда «Евразия» пермские нефтяники выработали новый, «проектный» подход к своей «социальной ответственности», который был признан образцовым. В 2003 году бывший тогда пермским губернатором Юрий Трутнев объявил Пермь российской «столицей гражданского общества». Самым масштабным из проектов того времени было восстановление усадьбы Строгановых в Усолье, символический акт приобщения нефтебизнеса к своим корням в меховом и солевом промыслах. Между тем огромные сельские территории, оставшись без советских субсидий, теряли население, и поддержка «культурных проектов», которые все время были направлены на те же народные промыслы, не могла изменить ситуацию. Внутренние особенности нефтяного бизнеса и прежде всего малое число занятых в нем людей и точечный характер производственной деятельности оказались непреодолимыми препятствиями для того, чтобы конвертировать нефтяные доходы в развитие региона. Поучительно, что эти корпоративные инициативы были направлены не на модернизацию «глубинки», а скорее в противоположную сторону, на субсидирование самых архаичных ее аспектов.

Несмотря на то, что пермская интеллигенция научилась полезному делу писания грантовых проектов, влияние этих проектов на выравнивание социального неравенства оказалось ничтожным. Роджерс прослеживает, как менявшиеся пермские губернаторы меняли, в свою очередь, руководителей местных культурных программ, которые под разными названиями поддерживали архаичные практики, аутентичные или новоизобретенные. Например, ориентировочно в 2010 году местный тренд стал называться «этнофутуризмом», и администрация спонсировала уже не народные ремесла, а шаманистические инсталляции и соответствующие им псевдоисторические нарративы. В Перми и окрестностях проходили тогда по-

казы «этномоды» и концерты шаманской (а также бразильской и африканской) музыки. Имитации «звериного стиля» пермских курганов использовались в рекламе местного ретейла.

Демодернизирующая роль нефтебизнеса не является новым или специально местным феноменом. Проводя фольклорные фестивали и конкурсы традиционных изделий, которые все равно не пользовались рыночным спросом, менеджеры ЛУКОЙЛа отчасти повторяли опыт американских коллег из Standard Oil; как рассказывает Роджерс, искусствоведы увидели в культурных инициативах этой корпорации «петро-примитивизм». В своей интерпретации открытой им псевдоэтнографической мании пермских спонсоров Роджерс связывает ее со свойствами нефти и газа, которые, по его мнению, метафорически применяются к культурным практикам и определяют их (с. 211–253). По мнению Роджерса, «глубина» нефтяных скважин и «коннективность» газовых труб определяет особенности культурных практик в сырьезависимом постсоциалистическом обществе. Местная культура подвергается «вертикальной интеграции», что не способствует ни выравниванию свойственных такому обществу неравенств, ни качеству самой этой культуры.

В свете своей излюбленной метафоры «глубины/глубинки», Роджерс интерпретирует и громкую неудачу культурных инициатив 2007–2012 годов. Плоды неожиданного сотрудничества между очередным местным губернатором и приглашенными московскими интеллектуалами, масштабные выставки, фестивали и инсталляции вызвали раздраженное сопротивление местной интеллигенции. Пермский писатель Алексей Иванов, которого Роджерс справедливо трактует как историзирующего мифотворца, успешного представителя магического историзма (Роджерс использует здесь терминологию из моей книги «Warped Mourning» (Etkind 2013)), вступил в полемику с московским галеристом Маратом Гельманом, отстаивавшим ценности глобальной и постмодернистской культуры. Эта культура все равно оставалась «вертикально интегрированной», то есть полностью зависимой от административной власти. Со сменой губернатора Гельман и его сотрудники уехали из Перми, а Иванов остался со своими читателями.

Аллегорическое толкование Роджерсом особенностей пермской «глубинки» кажется оригинальным и поэтичным, но меня оно не вполне убедило. Я бы предложил рассмотреть альтернативные и, как мне кажется, более вероятные объяснения традиционализму пермских нефтяников и газовиков. Низкая трудоемкость их бизнесов создает ситуацию, когда корпорации не нуждаются в людях – и тогда их гуманитарные программы оказываются беспомощными имитациями. Для нефтяных и газовых корпораций, как и для всей ресурсозависимой страны, население оказывается не источником богатства, а предметом филантропии (Эткнд 2013). На место осмысленных, основанных на расчете инвестиций в человеческий капитал приходят декоративные расходы, демонстрирующие «социальную ответственность» и культурный вкус руководителей индустрии. Не стоит удивляться, что такие культурные продукты оказываются либо традиционалистскими, либо, наоборот, постмодернистскими. В обоих случаях они оторваны от современности, хуже того – противоположны ей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Эткинд, Александр. 2013. «Петромачо, или Механизмы демодернизации в ресурсном государстве». *Неприкосновенный запас* 2(88). Просмотрено 6 июня 2016 г. (<http://magazines.russ.ru/nz/2013/2/e16.html>).
- Coronil, Fernando. 1997. *The Magical State: Nature, Money, and Modernity in Venezuela*. Chicago: University of Chicago Press.
- Etkind, Alexander. 2013. *Warped Mourning: Stories of the Undead in the Land of the Unburied*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Hann, Chris, and Keith Hart. 2011. *Economic Anthropology: History, Ethnography, Critique*. Cambridge: Polity.
- Humphrey, Caroline. 2002. *The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economies after Socialism*. Ithaca, NY: Cornell University Press.